

УДК / UDC 398.21

Мотив иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке

Байра Басанговна Горяева¹

The Motif of the other World / Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale

Baira B. Goryaeva¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

Аннотация. Введение. Мотив трехмирья в калмыцких волшебных сказках отражает архаичные представления о мироздании, состоящем из трех ярусов. Иной / подводный мир воспринимается через призму срединного мира. Результаты. Рассмотрение текстов калмыцких сказок показало, что вода (*hol* ‘река’, *теңгс*, *дала* ‘море; океан’) отражается в картине мира предков калмыков как рубеж двух миров. В калмыцких сказках на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» река — локус, в котором происходят превращения. Ученик при бегстве от учителя — хтонического существа — принимает облик разных животных, рыб и птиц, что демонстрирует возвращение героя из иного мира в мир живых. В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 313 «Чудесное бегство» река как локус, разделяющий миры, становится непреодолимой для преследователей-антагонистов (мусов). Внешний океан *назад дала* представляется границу между мирами, которую можно пересечь по огромной рыбе или заморозив его. В рассмотренных сказочных текстах владыка хозяев вод *усн хадын хан* выступает как распорядитель душ, отмеряющий жизнь человека: его слуга приходит забрать душу старика-табунщика, но тот обменивает ее на жизнь своего сына. Дочь владыки хозяев вод становится женой героя, ко-

торый выполняет ее трудные задачи. Доставив дочь подводного владыки в средний мир, герой также пригоняет табун ее кобылиц, чтобы она могла питьаться кумысом из их молока. В систему хтонических персонажей, представителей водного мира, включается также большой черный человек *ik xar kün*. В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)» чудесный муж ханской дочери — представитель подводного мира — лягушка с золотым брюшком и серебряной головой *altn cheejṣta, mənčn dūrṣtə mekla*. В сказке на сюжетный тип СУС 313 С «Чудесное бегство» герой попадает в иной / подводный мир, ведомый посланником владыки хозяев воды, и по его повелению женится на девушке этого мира. Таким образом, калмыцкие волшебные сказки содержит архаичный мотив, отражающий ранние представления калмыков об ином / подводном мире.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, мотив, иной / подводный мир

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалы и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 135–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145

Abstract. *Introduction.* The motif of the three worlds in Kalmyk fairy tales reflects archaic ideas about the universe consisting of three tiers. The otherworld / underwater world is perceived through the prism of the middle world. *Results.* A review of the texts of Kalmyk fairy tales has shown that water (*gol* 'river', *tengs*, *dala* 'sea', *dala* 'ocean') is reflected in the worldview of the Kalmyks' ancestors as the boundary of two worlds. In Kalmyk fairy tales based on the plot of SUS 325 "The Wizard and his Pupil", the river is a locus in which transformations take place. The student, while fleeing from the teacher, a chthonic being, takes the form of various animals, fish and birds, which demonstrates the hero's return from another world to the world of the living. In Kalmyk fairy tales based on the plot type of SUS 313 "Miraculous Escape", the river as a locus separating the worlds becomes insurmountable for pursuing antagonists (muses). The outer ocean (*gazad dala*) represents the boundary between the worlds, which can be crossed by a huge fish or by freezing it. The lord of the masters of the waters, *usn khadyn khan*, considered in the fairy-tale texts acts as the steward of souls, measuring out a person's life: his servant comes to take the soul of an old herder, but he exchanges it for the life of his son. The daughter of the lord of the masters of the waters becomes the wife of a hero who performs her difficult tasks. Having delivered the daughter of the underwater lord to the middle world, the hero also brings a herd of her mares so that she can eat *kumis* from their milk. The system of chthonic characters, representatives of the aquatic world, also includes *ik xar kun* 'the big black man'. In Kalmyk fairy tales based on the plot type of the SUS 400 "The husband is looking for a missing or abducted wife (the wife is looking for a husband)", the wonderful husband of the Khan's daughter is a representative of the underwater world — a frog with a golden belly and a silver head *altn cheegtei, mongn durstei meklya*. In the tale of the plot type SUS 313 C "Miraculous Escape", the hero finds himself in another / underwater world, led by the messenger of the lord of the masters of the water and, at his command, marries a girl of this world. Thus, Kalmyk fairy tales

represent an archaic motif reflecting the Kalmyks' early ideas about the other/underwater world.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, motif, another / underwater world

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198 "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China".

For citation: Goryaeva B. B. The Motif of the other World / Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 135–145. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145

1. Введение

В волшебной сказке калмыков представлены верхний, средний и нижний миры. Чудесно рожденный герой калмыцкой волшебной сказки существует по ним в поисках своей суженой или за диковинками, чтобы выполнить трудные задачи хана. Герой попадает в эти миры с помощью волшебных помощников, из-за козней старших братьев, иногда бывает обещан хтоническому существу взамен своего отца или по другим причинам.

В калмыцкой фольклористике на материале калмыцких волшебных сказок рассматривался мотив трехмирья [Болдырева 2018], верхний мир небожителей [Горяева 2025а], а также нижний мир [Горяева 2025б]. Загробный мир в них понимается как иной мир или тот свет [Надбитова 2011: 153–159].

Мотив преодоления водного пространства [Убушиева 2011: 302–308], а также архетипический концепт «вода», основанный на сюжетообразующих ядерных темах и мотивах архаического эпоса [Убушиева 2020: 95–106], ассоциация Водного мира с Нижним миром [Убушиева 2018: 35–45] изучались на материале песен Багацохуровского цикла «Джангара». Описывался водный мир в отдельных сказочных сюжетах астраханских и донских калмыков [Убушиева 2017: 54].

При этом на материале калмыцкой волшебной сказки иной / подводный мир специально не изучался. В данной статье нами рассматривается мотив иного / подводного мира в калмыцких волшебных сказках на международные сюжетные типы.

2. Материал

Материалом для статьи стали калмыцкие сказки на универсальные сюжеты, соотносимые с типами СУС 313 «Чудесное бегство», СУС 325 «Волшебник и его ученик», СУС 551 «Молодильные яблоки», а также сказка, представляющая контаминацию сюжетных типов СУС 551 «Молодильные яблоки» и 460 В «Путешествие к солнцу» [СУС 1979], опубликованные в различных сборниках.

При рассмотрении мотива иного / подводного мира в калмыцких волшебных сказках мы опирались на исследования В. Я. Проппа по генезису («истории») волшебной сказки [Пропп 2000], работы С. Ю. Неклюдова

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

[[Неклюдов 1990](#); [Неклюдов 1994](#); [Неклюдов 2002](#)], Т. Д. Скрынниковой [[Скрынникова 2003](#)], М. М. Содномпиловой [[Содномпилова 2009](#)] по мифологии и культуре монгольских народов.

4. Река, море, океан — граница между мирами и дорога в иной / подводный мир

Вода (в частности река, море, океан) отражается в картине мира предков калмыков как рубеж двух миров. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» отмечаются случаи представления океана как пограничной черты между двумя странами (Бумбой и вражеской страной Замбал хана), моря Шарту как некой мифологической границы, разделяющей два мира [[Убушиева 2011: 304](#)].

Как отмечает Т. Д. Скрынникова, рассматривая символическое сакральное пространство бурятского фольклора: «в традиции не только бурят, но и многих народов алтайской языковой семьи существуют представления об оппозиции Небу не только в форме Земли, но и земля — вода (*наэр — усн*), что может образовывать тернарную структуру: Небо — Земля — Вода, поскольку Земля — Вода (Земля — Море) выступает в качестве универсальной оппозиции: верх — низ в мифе о сотворении мира (мотив погружения птицы на дно за землей). Примеров того, что вода / море служат маркером чужого мира или границей между своим и иным мирами, множество. Моря окружают свою территорию — Желтое море, Черное море. И часто для того, чтобы достичь иного мира, где живут существа иной природы, можно перейти реку, преодолеть море или погрузиться в него» [[Скрынникова 2003: 71](#)].

В калмыцких сказках на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» река — локус, в котором происходят превращения, является границей миров. Калмыцкие сказки на этот сюжетный тип показывают цепь превращений учителя и его ученика, спасающегося бегством.

Исследовав материалы по воплощениям в различных животных в Африке и сходные представления в Египте, В. Я. Пропп заключает: «Возвращение из страны мертвых в страну живых сопровождается превращением в животных» [[Пропп 2000: 303](#)].

Калмыцкие сказки на сюжетный тип СУС 325 «Волшебник и его ученик» показывают, что ученик при бегстве от учителя — хтонического существа, принимает облик разных животных, рыб и птиц. Эти превращения на границе миров демонстрируют возвращение героя из иного мира в мир живых:

Алдрад нарсан мөриг үзсн мус ардаснь усн хадын эзнэ алтн нооста ажрх болад, арднь орад, көөхәд нарв. Һолд киисәд, жирмәхә занисн болад, тарад, нарад одв. Ик хар күн алдл уга шүүрдг алг хар цурх болад, арднь орад, гүүхәд, күцәд ирсн цагт хонхта алг нүйсн болад нисәд нарв. Тигәд нисәд нархлань шүүрсән алддг уга харцх хар шовун болад, ардаснь көөхәд күңн гигәд ирхләнь, деерәс буужү хүвләд, өлн маңхн туула болад нарад гүүв. Тигхләнь, адргин аратиг алдл уга бәрдг, көдәхин туулаг көндәл уга бәрдг, тормин

начн болад арднь орад көөхәд күцәд, хойр һурв шүүрүләд, ик хар күн болад нарад йовб.

Ардась хойр холван ик күн болад арднь орад көөв.

Генткн күрәхән эргж йовсн ламла харнад: — Намаг багтатн, — гиж келн, тач йовсн эркнәнн бүмбдн көвүн орад одна.

‘Мус, увидев вырвавшегося коня, превратился в жеребца усун хадын эзена с золотой шерстью, пустился вслед за ним в погоню. [Юноша] прыгнул в реку, превратился в мальков рыбы, которые рассыпались в разные стороны. В то время, когда большой черный человек, превратившись в пестро-черную щуку, хватаящую без промаха, погнался следом и уже настигал, [юноша], превратившись в утку, улетел. Когда так вылетел, [мус], превратившись в черного ястреба, не выпускающего добычу, погнался и уже настигал, сверху спустился, превратился в сизо-белого зайца и пустился наутек. Тогда превратился в сокола, не упускающего лису холмистой местности, ловящего, не нанося ран, зайца пустынной местности, погнался, настиг, дважды-трижды схватил, [юноша] большим черным человеком стал.

[Мус] вслед за ним превратился в человека в два раза больше и погнался.

Вдруг [юноша] встретил ламу, который обходил свой монастырь:

— Спасите меня, — сказав, юноша воплотился в главный шарик-бумб четок, которые перебирал лама¹ [[Седклини күр 1960: 9](#)].

Как отмечает С. Ю. Неклюдов: «Вода рубежна: она, во-первых, очерчивает труднопреодолимые границы земного ландшафта (река / берег водоема), причем по ту сторону остается неосвоенное (или не достаточно освоенное) пространство, и, во-вторых, она фиксирует непреодолимую для живого человека границу по вертикали (водная поверхность как грань между мирами — „этим“, человеческим, и „тем“, хтоническим)» [[Неклюдов 2002: 22](#)].

Река как локус, разделяющий миры, представлена в калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 313 «Чудесное бегство». Так, в сказке «Һорвн күүктә эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с тремя дочерьми») сестры, благодаря предметам, оставленным родителями, сбегают от мусов-людоедов. Спасаясь от стариков-мусов, героини заговаривают точило, рубель и шумовку [[Хальмг туульс 1968: 35](#)]. Эти предметы после произнесения заклинания при бросании трансформируют сказочное пространство, превращаясь в труднопреодолимые горы и густой дремучий лес. Материал калмыцких волшебных сказок показывает, что непреодолимой для предснователей-антагонистов становится река, которая в традиционном мировоззрении этноса представляется границей миров.

Схожее явление в русской сказочной традиции объясняется следующим образом: «Это связано с сильной магической и мифологической функцией воды. Мифомагическая семантика воды была столь сильна, что даже после разрушения мифологического сознания и частичной транс-

¹ Здесь и далее наш перевод. — Б. Г.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

формации сказочной поэтики, когда вместо трех элементов остается один, им является именно водная преграда. Вероятно, причина этого заключалась также в том, что вода и в реальном быту наиболее опасная и трудно преодолимая преграда» [Добровольская 2009: 104].

В сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи»), представляющей контаминацию сюжетных типов СУС 551 «Молодильные яблоки» и СУС 460 В «Путешествие к солнцу», герой попадает в иной мир, пройдя по огромной рыбе-тайменю. Младший из братьев желает успеха трем старухам, зашивавшим трещину в земле. В благодарность они подсказывают ему, как пересечь внешний океан:

Чи ода, көвүн, назад дала һатлхмч, Нарнд күрхмч. Чини аавчин түнд күрәд уга болх. Назад далад тул заңсн дөчн иисн хонгтан мөңкәхәд, гесән Җадхачакад, дөчн иисн хонгтан унтдмн. Толһань эн көвәднъ, сүүлнъ назад далан телтр көвәднъ. Тер Җагла әмтн деегүрнүй овад, назад далад йоавадамн. Улгүрнү келхлә, чи бас тиигәд һатлхч. Тиигәд Нарнд күрхч.

‘Сейчас ты, парень, пересечешь внешний океан, попадешь к Солнцу. Твой отец, наверное, туда еще не добирался. Во внешнем океане рыба-таймень сорок девять дней, наевшись досыта, сорок девять дней спит. Голова на этом берегу, хвост на противоположном берегу внешнего океана. В это время люди по ней ходят через внешний океан. Ты, к примеру, тоже так пересечешь. Так достигнешь Солнца’ [Хальмг туульс 1968: 21–22].

Из текста сказки становится ясным, что рыба лежит во внешнем океане *назад дала*, представляющему границей между мирами и дорогой в иной мир. Здесь приведем наблюдения С. Ю. Неклюдова о воде, аморфность, бесструктурность, вездесущность и всепроникаемость которой порождают представление о воде, «как о стихии хаоса», в том числе первозданного, о «мировом океане, со всех сторон обволакивающем космос» [Неклюдов 2002: 22].

В приведенной выше сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи») герой через внешний океан *назад дала* по огромной рыбе, засыпающей на 49 дней, добирается до солнца. По народным представлениям, сформировавшимся под влиянием буддийской картины мира, именно за это время душа умершего достигает иного мира [Эрдниев 1985: 216].

Море *дала* является границей миров в сказке «Арж-Бурж хан» («Арджи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки». Третий младший сын хана, добравшись до моря, с помощью волшебного камня зада замораживает его и преодолевает по льду границу миров, причем обратно он уже перелетает через море на коне своего отца [Хальмг туульс 1961: 156].

5. Представители иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке

«В ойрат-калмыцкой мифологии хозяином водной стихии (и локальным хозяином вообще) является лу (лун), он же производитель дождя и

громовержец», — отмечал С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1994: 248]. Особое значение среди локальных духов-хозяев в мифологии калмыков имеет водяной хозяин Усун-хадын эзен. «Для его умилостивления прибегали к серебряным монетам (отражение мифологических взглядов о связи серебра с водой). В сказках владыка хозяев воды изображается седым стариком; его дочь, выходящая из озера и спасенная героем, имеет облик змеи (что соответствует общемонгольским мифологическим представлениям о змееподобии хозяев уроцищ и водоемов)», — поясняет С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1990: 551].

Море *ик дала* (букв. ‘большой океан’) в сказке «Усн хадын хан» («Владыка хозяев воды») на тип СУС 313 С «Чудесное бегство» является местом водопоя ханского табуна. Однажды лошади в страхе отказываются пить, учаяв в воде легкие и печень. Посланец владыки хозяев воды (*усн хадын хан*) превращается в человека из этих внутренних органов. Он был отправлен за душой табунщика, который обменял свою жизнь на душу сына. И в назначенный срок сын табунщика является в подводный мир, видит большую красивую войлочную кибитку, где встречает девушку, с помощью которой выполняет трудные задания хана и потом женится на ней. Убегая от владыки хозяев воды, они превращаются в разных животных и предметы. Покинув иной мир, герой расстается с женой и забывает о ней, а голубь и голубка, подаренные женой, напоминают ему о его путешествии в подводный мир и женитьбе [Хальмг туульс 1968: 163–166]. В рассмотренном сказочном тексте *усн хадын хан* выступает как распорядитель душ, отмеряющий жизнь человека.

Другим персонажем подводного мира является мус в виде большого черного человека. При рассмотрении образа муса в калмыцких сказках Д. В. Убушиева пишет: «В цикле сказок „Седклин күр“ ‘Задушевный разговор’ *ик хар күн* назван мусом, но сюжет демонстрирует его непосредственную связь с хтоническими существами. Образ хтонического „ут (ик) хар күн“ встречается в ряде калмыцких волшебных сказок и связан с водным миром» [Убушиева 2017: 54].

В сказке «Хурхар заңс дольж авад, уснд хайж окдг көвүнэ тууль» («Сказка о юноше, обменявшем ягнёнка на рыбу и отпустившем ее в воду») описывается, как из воды появляется *ут хар күн* ‘длинный черный человек’ и приглашает главного героя, юношу-сироту, в подводный мир. В сказке «Иван Царевичин тууль» («Сказка про юношу Ивана Царевича») он, названный чертом, является главному герою Ивану Царевичу из колодца. В сказке, записанной Г. Й. Рамstedтом в начале XX в., этот персонаж представлен циклопом. Отметив, что *ут (ик) хар күн* встречается в калмыцкой сказочной традиции, исследователь включает этот образ в систему хтонических персонажей, представителей водного мира [Убушиева 2017: 54].

Калмыцкие сказки на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» описывают учителя-муса, имеющего жилище, детей. Он обозначен как большой черный человек — *ик хар күн* и как высокий черный человек — *өндр хар күн* [Седклин күр 1960: 9].

- Бюллетең Калмыцкого научного центра РАН •

В сказке «Арж-Бурж хан» («Арджи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки», персонаж *ут хар күн* находится за морем и охраняет коня хана-отца. Он имеет единственный глаз на макушке — *ора деерән ор һанң нұдтә ут хар күн* [Хальмг туульс 1961: 156].

6. Женитьба героя / замужество героини на представителе иного / подводного мира

На материале песен Багаохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» Д. В. Убушкиевой отмечено, что Джангар-хан берет в супруги представительницу Водного мира — дочь Гюши Замба-хана, хозяина восьми тысяч лубсурга. Этот эпизод отражает медиативные функции Джангар-хана, повелителя Среднего мира, одержавшего победу над сыном тенгрия-небожителя и взявшего в супруги представительницу Водного (Нижнего) мира [Убушкиева 2018: 40].

Материал калмыцкой волшебной сказки также описывает женитьбу героя на представительнице иного / подводного мира. В сказке «Ном Төгсг хаана тууж» («История о Номо Тексег хане»), включающей как эпизод сюжет АТУ 300 «Победитель змея», герой, младший из трех сыновей Номо Тексег хана, добывает дочь владыки вод с помощью своего коня, который превращается в лодку и кружит по морю. На третий раз дочь владыки вод поднимается из глубин на звуки дудочки, и герой хватает ее. Добыв по поручению хана дочь хозяина вод, герой в итоге сам женится на ней, пройдя испытание кипящим молоком. Купание в молоке для старого хана становится роковым. По словам дочери владыки вод, кипящее молоко должно очистить старого хана, чтобы она могла выйти за него замуж. Герою представительница подводного мира кладет в рот золотое кольцо, благодаря которому он без вреда окунается в котел с кипящим молоком [Алтын чеежтә келмрә 2010: 50]. Анализируя данный сюжет, Б. Б. Манджиева указывает, что испытание старого хана кипящим молоком — известный сказочный мотив [Манджиева 2005: 106–110].

В сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи») герой добывает дочь владыки вод по приказанию хана Шатарчи. Прежде чем отправиться за красавицей, герой спрашивает совета у людей, живущих на берегу внешнего океана, как добыть представительницу подводного мира. Узнает о том, что дочь владыки вод в полночь покидает свой мир и бродит по берегу моря, любуясь земным миром. Герой с помощью веревки из человеческих жил ловит дочь хозяина вод. Попав в средний мир людей, дочь владыки вод требует от хана Шатарчи, чтобы сюда доставили ее домашний скот — водных животных. Герой отправляется к берегу моря, трижды свистит, трижды кричит, собирает и пригоняет аранзала и кобылиц дочери хозяина вод. Представительница подводного мира ставит условие хану-старику, желающему на ней жениться, искупаться в кипящем молоке подводных кобылиц. После того, как хан отказался, герой первым

окунулся в три котла с молоком и превратился в красавца-мужчину, тогда хан тоже лезет в кипяток и сваривается [Хальмг туульс 1968: 23–24].

В сказке «Арж-Бурж хан» («Арджи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки», младший сын хана во время полета над морем видит дымоход жилища дочери владыки хозяев вод. Конь опускает героя на дымоход, через который он попадает к девушке и забирает ее с собой в мир людей. Однако представительница иного мира не может есть земную еду, поэтому герой с помощью своего коня приводит пятьсот кобылиц из подводного мира, ведомых черным жеребцом. Вместе с ними из моря выходят жеребята. Дочь владыки вод питается кумысом из молока кобылиц подводного мира [Хальмг туульс 1961: 157].

В сказке «Усн хадын хан» («Владыка хозяев воды») на тип СУС 313 С «Чудесное бегство» герой попадает в иной / подводный мир, ведомый посланником владыки хозяев вод, женится на представительнице этого мира [Хальмг туульс 1968: 163–166].

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)» чудесный муж ханской дочери — представитель иного / подводного мира. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик однажды вылавливает лягушку с золотым брюшком и серебряной головой алтн чеежтэ, мөңгн дүрстэ меклэ [Хальмг туульс 1974: 115]. Золотое брюшко и серебряная голова лягушки отражают связь компонентов семантического ряда «золотой – солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. Согласно В. Я. Проппу, «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к другому царству» [Пропп 2000: 245].

В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») через семь дней после усыновления лягушка отправляет старика к хану сватать его дочь. Три дня подряд старик ездит к хану, его изрубают в куски с мясом коровы-трехлетки, барана, кладут в ведро и отправляют домой. Сын-лягушка оживляет старика-отца и животных [Буутан Санжин 2008: 88–89].

При выполнении трудной задачи хана благодаря чудесным способностям сына-лягушки появляются золотой, серебряный мост, сто старух, похожих на старуху-мать, сто стариков, похожих на старика-отца, сто юношей, похожих на приемного сына [Хальмг туульс 1974: 12].

В сказочном тексте после того, как спалили лягушачью кожу, главный герой, превратившись в желтоголового лебедя, улетает. Жена отправляется на поиски мужа. Через несколько дней на ее пути встречается белая юрта, в которой одна женщина расчесывала волосы. Оказалось, что она сестра мужа. Досыта накормив девушку, золовка дает ей белый платок. Таким же образом поступают две другие сестры чудесного супруга, покинувшего свою жену. Обратим внимание на то, что каждая из сестер дает девушке белый платок. Этими платками ханская дочь оборачивает своего умершего мужа, найдя его у тропинки, ведущей к небу. Первым платком обернула она скелет мужа и стала катать, на кости мясо наросло. Когда

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

этот платок износился, девушка взяла другой платок, обернула тело, стала катать. После оборачивания третьим платком мужчина ожил [[Хальмг туульс 1974: 14](#)].

7. Заключение

Вода предстает в мировосприятии калмыцкого народа как рубеж двух миров. Река *хол*, море *дала*, внешний океан *назад дала* в калмыцкой волшебной сказке — локусы, являющиеся границей миров — земного и иного / подводного.

В сказках на сюжетный тип СУС 325 «Волшебник и его ученик» река предстает как граница миров. Герой попадает в воду и, спасаясь от учителя-волшебника, превращается в разных животных и птиц. Среди преслователей героя мус демонстрирует свою «непосредственную связь с хтоническими существами», превращаясь в золотошерстного жеребца владыки хозяев вод *усн хадын ээн*, являя принадлежность «чужому» водному миру.

В калмыцких сказках, соотносимых с сюжетным типом СУС 313 «Чудесное бегство», предметы после произнесения заклинания при бросании трансформируют сказочное пространство, превращаясь в труднопреодолимые горы и густой дремучий лес. Материал калмыцких волшебных сказок показывает, что непреодолимой для преслователей-антагонистов становится река, которая в традиционном мировоззрении этноса представляется границей миров.

Владыка хозяев вод *усн хадын ээн*, по мифологии калмыков, дух-хозяин водной стихии. Его дочь становится женой героя, который проходит ее испытания. Иногда, наоборот, дочь земного хана выходит замуж за представителя иного / подводного мира.

Таким образом, калмыцкие волшебные сказки представляют архаичные сюжеты: а) женитьба / замужество, б) получение магических знаний от учителя-волшебника, отражающие ранние представления калмыков об ином / подводном мире.

Источники

- Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной / сост., предисл., comment. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Сер. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков).
- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер. «Өвкнрин зөөр» (= Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр. Элст: Хальмг дэгтрар нарнаач, 1960. 86 х.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дэгтрар нарнаач, 1968. 267 с.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по делам изд-в, полиграфии и книжной торговли Совета министров Калмыцкой АССР, 1974. 274 с.

Литература

- Болдырева 2018 — Болдырева И. М. Трехмирье в героическом эпосе «Джангар» и сказочной традиции калмыков (на материале архивных аудиозаписей КалмНЦ РАН) // Монголоведение. 2018. № 10(3). С. 140–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-140-155
- Горяева 2025а — Горяева Б. Б. Мотив верхнего мира в калмыцких волшебных сказках // Новый филологический вестник. 2025. № 1(72). С. 324–331.
- Горяева 2025б — Горяева Б. Б. Мотив нижнего мира в калмыцких волшебных сказках // Новый филологический вестник. 2025. № 3(74). С. 469–477.
- Добровольская 2009 — Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. resp. центр русского фольклора, 2009. 224 с.
- Манджиева 2005 — Манджиева Б. Б. Сказание о Номо Тексег хане «как предтеча «Джангара» // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б. Х. Тодаевой. Сер. «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 106–110.
- Надбитова 2011 — Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: Джангар, 2011. 260 с.
- Неклюдов 1990 — Неклюдов С. Ю. Усун-хадын эзен // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 551.
- Неклюдов 1994 — Неклюдов С. Ю. Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 тт. Т. 2: К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 247–248.
- Неклюдов 2002 — Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры / ред.: Виноградова Л. Н., Узенева Е. С., отв. ред.: Толстая С. М. М.: Индрик, 2002. С. 21–31.
- Пропп 2000 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстол. comment. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Скрынникова 2003 — Скрынникова Т. Д. Символическое сакральное пространство бурятского фольклора // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации / сост. М. Г. Туров. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 59–90.
- Содномпилова 2009 — Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Убушиева 2011 — Убушиева Д. В. Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение (Монгол судлал). 2011. Т. 5. № 5. С. 302–308.
- Убушиева 2017 — Убушиева Д. В. Водный мир в сказках астраханских и донских калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4(4). С. 49–81. DOI: 10.22162/2587-6503-4-4-49-81
- Убушиева 2018 — Убушиева Д. В. Космогонические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2018. № 3(46). С. 35–45.
- Убушиева 2020 — Убушиева Д. В. Архетипический концепт «вода» в ранних образцах калмыцкого эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. № 6(80). С. 95–106.
- Эрдниев 1985 — Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.